

РАЗВОРОТ

ОТКРОВЕНИЯ

Сергей Стародубцев: Государство — автор нынешнего кризиса «по полной программе»

Бывший директор ЦБК «Кама», предприниматель и общественник — о том, почему наш бизнес оказался там, где он оказался

ТАТЬЯНА ВЛАСЕНКО

Это интервью состоялось за две недели до резонансного выступления на Московском экономическом форуме бывшего менеджера компании «Пятёрочка», предпринимателя Дмитрия Потапенко, который сравнил диалог бизнеса и власти с диалогом «мясника и коровы». Оказалось, что слова и мысли представителей небольшого регионального бизнеса и крупного ритейлера звучат буквально в унисон. Генеральный директор ООО «Доброе дело» и его коллеги-предприниматели утверждают, что основным инструментом диалога власти и бизнеса сегодня стал Уголовный кодекс РФ.

— Сергей Николаевич, несколько месяцев назад территориальное объединение работодателей Краснокамского района «Совет директоров» обсуждало положение промышленных предприятий «на фоне кризисных явлений в экономике страны и края». О чём конкретно шла речь?

— Прежде всего мы пришли к выводу, что существующие проблемы — не какие-то частные случаи, а системные сбои, когда «болит у всех». В первую очередь речь идёт о предприятиях малого и среднего бизнеса в предкризисный и, самое главное, в кризисный период. Понятно, что эти явления касаются и крупного бизнеса тоже, но там они не так ярко выражены и не так трагичны в finale.

Докризисные темпы роста и конкурентная среда вдохновляли на развитие, бизнес активно кредитовался, вплоть до выхода на рынок акций. Поэтому накануне кризиса закредитованность предприятий была достаточно велика, долги же сейчас очень быстро взыскиваются, что приводит к губительным имущественным и репутационным рискам.

Ещё один из факторов риска, который присущ практически всем, связан с кадрами. До последнего времени объёмы заказов позволяли предприятиям привлекать довольно большое количество персонала. Буквально до 2013 года наблюдалась серьёзный дефицит узких профильных специалистов высокого класса, их брали на достаточно высокие зарплаты, даже не имея для них 100%-ной загрузки. Это делалось на перспективу, потому что, если завтра «заказ выстрелит», где взять? И налоговая нагрузка, связанная с фондом заработной платы, выглядела в то время оправданной и вполне посильной. Сейчас многие вынуждены резать кадровый состав буквально «по живому», со всеми финансовыми последствиями от сокращения персонала.

Также весьма влиятельный фактор, играющий свою роль в любой компании — малой, средней, крупной, — это

возможность в рамках закона оптимизировать финансовые потоки, в том числе по срокам уплаты некоторой части налогов. Прежде на тот момент, когда выявлялись некоторые недоимки, заёмные средства были легкодоступны, можно было взять короткий кредит, потом рассчитаться, а затем спокойно на рынке добрать недостающее.

Затем экономика страны начала поиск «дна». Пошло резкое снижение (а для некоторых компаний и полное прекращение) объёма заказов, а значит, выручки. Первыми почувствовали «новую реальность» в строительстве, промышленном монтаже и связанных с этим направлениях. Многие предприятия сегодня стоят просто потому, что сократился или иссяк поток заказов. Чего уж говорить, если даже магазины закрываются.

В связи с падением покупательского спроса и за счёт падения рубля акции предприятий реально обесценились. В то же время себестоимость в рублях заметно возросла. Это привело в малом и среднем бизнесе к катастрофическому снижению рентабельности. Тот, кто имел 20% прибыли, сразу скатился, дай бог, к 5%. Если вообще заказы сохранились. При этом долговая нагрузка осталась на прежнем уровне, а привлечение займов сейчас стало практически недоступным.

— Какую процентную ставку предлагают сейчас банки малому бизнесу? Есть ли реальный шанс получить заемные деньги?

— Если «накоротке» и без репутации — 25% и выше. Это нереально: в настоящий момент кредитоваться, не понимая, что произойдёт с заказами, просто невозможно. Снижение выручки и рентабельности идёт по всем направлениям. В этой ситуации кредиты в принципе брать и обслуживать — задача утопическая.

С другой стороны, ужесточилась политика надзорных, фискальных, кон-

тролирующих, правоохранительных органов за все виды нарушений. Всех коснулся грозный клич сверху: «Давай всё в бюджет, и быстро». Без учёта реалий, что рынок сейчас не позволяет не то что давать, а порой просто выживать.

Требования упомянутых органов усугубляются ещё и кампанией «борьбы с коррупцией». В этой ситуации к чиновнику доступ ограничен, с ним даже поговорить и объяснить ситуацию нынче невозможно.

— То есть едва назначил встречу чиновник с представителями бизнеса — значит, коррупционер?

— Действительно, прежде у чиновников было больше возможностей просто вникнуть в ситуацию и в соответствии с ней скорректировать те или иные позиции. Одно дело, если фирма «Рога и копыта», явная однодневка, которая вечно в долгах, лоббирует свои интересы. И другое дело, когда предприятие жило, работало, исправно платило налоги в бюджет, но рынок упал, масса работников оказалась в заложниках.

Квалификация и оценка действий руководителей предприятий сейчас производится по абсолютно формальным признакам. От разумного диалога с объективным рассмотрением проблем и обстоятельств чиновники уходят под страхом быть признанными коррупционерами, потерять должности и рабочие места.

— Ну, хорошо, допустим, даже и вники. А что дальше?

— Налоговое законодательство, по сути дела, никаких вариантов не оставляет,

всё расписано на федеральном уровне. Если маховик запустился — всё конечно: либо в уголовники, либо плати. В тех ситуациях, в которых оказываются предприятия, выхода нет, это замкнутый круг, а вернее — спираль вниз.

Трудовое законодательство в совокупности с ведомственными установками контролирующих инстанций (трудовая инспекция, прокуратура) тоже гибкости подходов не даёт.

Процессуальные ужесточения на фоне антикоррупционного курса приводят к тому, что абсолютно все ведомства, начиная с низов и заканчивая теми, кто вводит финальные санкции (прокуратура, суды), поступают по формальному признаку. Состав «преступления» есть — клиент («плохой» или «хороший» — неважно) получает на выбор сумму платежа или пусть даже условный, но срок. Все инстанции действуют по формальному признаку, скидывая с себя ответственность.

Очень заметно, что правоприменительная практика развивается по пути ужесточения. Если фискальные органы инициируют какую-то процедуру, как правило, бесполезно что-то кому-то доказывать. Есть установка, несмотря на все мифы о независимости и объективности наших судов, поддерживать государственные органы в их претензиях и исках.

Таким образом, благие цели антикоррупционной кампании превращаются в очередное извращение — удобный инструмент чиновников для уклонения от трудоёмкого объективного анализа